

**СТРАДАЮЩИЙ ГЕРОЙ В РОМАНЕ ЛЕОНИДА
АНДРЕЕВА *ИГО ВОЙНЫ*:
ОТ ЛИЧНОГО ДО ВСЕОБЩЕГО***

Йозеф Догнал

Университет им. Масарика,
Брно, Чехия;
Университет им. св. Кирилла и Мефодия,
Трнава, Словакия

Юлия Дмитриева

Университет им. Масарика,
Брно, Чехия

**THE SUFFERING HERO IN LEONID ANDREYEV'S
NOVEL *THE YOKE OF WAR*:
FROM THE PERSONAL TO THE UNIVERSAL**

Josef Dohnal

Masaryk University,
Brno, Czech Republic
University of Ss. Cyril and Methodius,
Trnava, Slovakia

Yulia Dmitrieva

Masaryk University,
Brno, Czech Republic

This article analyses Leonid Andreyev's novel *The Yoke of War*. The authors of the study point out the gradual transition from “objective” diary records to highly subjective records that show an ambivalent attitude towards the war as a cause for damaging changes on the home front. The main character, whose thoughts are rational at the beginning, experiences a lot of personal and social catastrophes generated directly or indirectly by the war. Gradually, he comes to

---

* Citation: Dohnal, J., Dmitrieva, Yu. (2021). The Suffering Hero in Leonid Andreyev's Novel *The Yoke of War*: From the Personal to the Universal. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 2. P. 735–750. DOI 10.15826/qr.2021.2.606.

Цитирование: Dohnal J., Dmitrieva Yu. The Suffering Hero in Leonid Andreyev's Novel *The Yoke of War*: From the Personal to the Universal // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 2. P. 735–750. DOI 10.15826/qr.2021.2.606 / Догнал Й., Дмитриева Ю. Страдающий герой в романе Леонида Андреева *Иго войны*: от личного до всеобщего // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 2. С. 735–750. DOI 10.15826/qr.2021.2.606.

the conclusion that neither he as an individual (as a “cell”) nor other people of his type have any impact on the course of history; he sees that the war is killing both enemies and “our people”. Contradictory changes in the character’s inner world show his doubts about patriotism and the righteousness of the “people”, while his belief that war only benefits a small group of greedy entrepreneurs grows. Feeling that the war cannot have a happy ending, the main character is no longer able to act rationally. He accepts all losses – personal and social – and comes to a purely emotional feeling about the universal unfairness of war. The only remaining possibility is to help wounded soldiers. Andreyev depicts a broad range of issues that thematically concern the experience and destiny of an individual, his inner transformation, the fate of his family members, and the destiny of both real and abstract society. The novel touches upon certain philosophical issues concerning such notions as patriotism, Russia’s fate, the sense of belonging to the masses, and being an individual. In this way, the novel can be regarded as a philosophical and panhuman view of World War I. Following the traditions of classical Russian literature to a considerable extent, Andreyev is concerned with questions based not on narrow class or national foundations but on panhuman ones.

Keywords: Leonid Andreyev; *The Yoke of War*, writer’s diary, personal tragedy, tragedy of war

Статья посвящена изучению романа Л. Н. Андреева «Иго войны». Авторы исследуют постепенный переход «объективных» дневниковых записей героя романа к резко субъективным, в которых чувствуется амбивалентное восприятие войны, пагубно влияющее на жизнь в тылу. Герой романа, изначально мыслящий рационально, постепенно переживает целый ряд личных и общественных катастроф, причиной которых прямо или опосредованно является война, и доходит до убеждения, что ни он как одиночка, «клеточка», ни люди его склада не имеют никакого влияния на ход истории, что война так же беспощадно губит не только «своих», но и врагов. Противоречивые изменения во внутреннем мире героя отражают его сомнения и в патриотизме, и в правоте «народа», и в смысле войны для государства, так как на ней наживаются малые группы хищных предпринимателей. Осознав обреченность при трагическом исходе войны, герой не способен больше действовать рационально. Он принимает все потери – и личные, и общественные – и доходит до чисто эмоционального чувства всеобщей несправедливости войны. Единственное, что он способен сделать, это помощь раненым солдатам. Андреев охватывает в романе широкий круг проблем, указывая на некоторые тематические оси, связывающие переживания и судьбы индивида и с его личным перерождением, и с отношениями с наиболее близкими ему членами его семьи, и с окружающим его обществом в узком и более абстрактном понимании. Роман, однако, доходит и до философских вопросов о смысле таких возвышенных понятий, как патриотизм, судьба Родины, сопричастность к народной массе, смысл индивиду-

ального существования, представляя, по сути, философский, общечеловеческий взгляд на Первую мировую войну. Продолжая во многом традиции классической русской литературы, Андреев задает вопросы на общечеловеческом уровне.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев, роман «Иго войны», дневник писателя, трагедия человека, трагедия войны

Тема войны и отображение ее влияния на отдельного человека и на общество занимают важное место в творчестве Л. Н. Андреева, современника нескольких войн, хотя он прямо ни в одной из них не участвовал. Он начинает размышлять об ужасах войны в своих дневниках и письмах, а в 1904 г. пишет рассказ «Красный смех», в котором показывает превращение поля битв в хаос, кровавую бойню, место, в котором можно лишиться и жизни, и психического равновесия. Андреев возводит свое видение войны, основанное на опыте Русско-японской войны, к обобщенному образу чудовищного слияния бессмысленных событий, разрушающих мирное бытие и общества, и индивида. Если в рассказе «Красный смех» война абстрактна и безумна, если созданный автором образ воспринимающего, переживающего персонажа на войне намеренно субъективизирован, то в центре романа «Иго войны» (1916) оказываются конкретные события, происходящие во время Первой мировой войны в ее тылу.

Произведение представляет собой дневниковые записи Ильи Петровича Дементьева 45 лет, обычного служащего, жителя Петрограда. Андреев продолжает характерную для его творчества черту изображения выбранного им внешнего по отношению к персонажу события в сфокусированном им индивидуальном субъективном восприятии и осмыслении. Однако если герой «Красного смеха» – сумасшедший, прямой участник событий, то чиновник Дементьев представлен в большей части текста рациональным свидетелем событий, наблюдающим со стороны. В его записях нет ни гротескных преувеличений, ни чудовищных видений, ни сумасбродного пафоса возбужденных эмоций, ни пространственного и временного хаоса.

Первая запись в дневнике датируется 15 августа 1914 г., то есть двумя неделями позже объявления Германией войны России. Изначально главный герой пишет, что война – «дело довольно-таки простое и бывалое» [Андреев, с. 138], что она не вызывает особого страха среди жителей, а одну только «человеческую жалость и сочувствие к несчастным» [Там же]. В этом отражается положение общества по отношению к начавшейся войне. Люди находятся на безопасном расстоянии от военных действий, и их обычному ходу жизни, казалось бы, ничего не угрожает. Но со временем война сильнее всего образом начинает воздействовать на жизни, в том числе и главного героя.

Жанр дневника позволяет Л. Андрееву конструировать внутренний мир персонажа и передавать внешние события в его же субъектив-

ной, искренней рефлексии. Главный герой говорит о том, что только на страницах дневника, который тщательно ото всех скрывает, может иметь «свободу в выражении мыслей» [Андреев, с. 140]. Возникает впечатление, что читатель может полностью доверять рассказчику, что он является «надежным» (согласно теории У. К. Бута), то есть правдиво передает события, а также свои мысли и чувства [Booth] (но в действительности нельзя сказать о надежности повествователя). Кроме того, профессия героя (бухгалтер) внушает представление о рассудочном обращении с фактами. В записях героя тематизируются война и ее переплетение с личной судьбой, субъективное восприятие того, что война ввергла героя в экзистенциально новую ситуацию, которая требует от него вынужденного повиновения происходящему. Как раз в этом писатель усмотрел шанс изобразить войну в специфическом ракурсе, в котором недобровольное подчинение сталкивается со способностью героя оставаться критически мыслящим индивидом.

Дневник дает Илье Петровичу возможность решать это разногласие. Он обращается к нему не регулярно, а при необходимости разрешения противоречий, возникающих при рефлексии, когда у него возникают мысли, в которых трудно было бы признаться кому-либо из его окружения. Поэтому между его записями можно наблюдать нерегулярные временные промежутки: не время, а ситуация становится импульсом для обращения к дневнику. Герой пытается разобраться в себе и в том, что его способность мыслить выделяет его из окружения, «толпы». Кажется, именно на это намекает второе название романа – «Признания маленького человека о великих днях». Сам Илья Петрович называет себя «ничтожеством», «клеточкой», «тлей», «гнусным человеком». Несмотря на это, он хочет иметь право на свое мнение и свободу выбора, но война лишает его этого, он все больше ощущает себя не на своем месте, ведь ему приходится подчиняться внешним влияниям, обществу, войне.

Андреев дает понять, что его герой в начале романа убежден, что война очно никак не коснется его:

Да, я счастлив, и вот главные причины моего счастья, о которых никому, кроме дневника, сказать не решусь. Мне сорок пять лет, и, следовательно, что бы там ни случилось, я ни в каком случае призыву не подлежу [Андреев, с. 141].

Но несмотря на подобные рассуждения героя, нельзя утверждать о его трусости. Он пишет, что если бы «подлежал призыву... не подумал бы уклоняться» [Там же, с. 142]. Но также нельзя сказать и о том, что он обладает сильными патриотическими чувствами: «На рожон я не полез бы, а ждал бы на своем месте заодно с другими, пока меня не убьют или я убью кого там надо» [Там же]. В данных записях виден предельный рационализм в суждениях героя, а также его неприятие военной ситуации, кажущейся ему абсурдом.

Илья Петрович пишет о том, что не он выбрал эту войну: «Не хотел я войны, и Вильгельм ведь не прислал ко мне посла с вопросом, согласен ли я драться, а просто взял и объявил: дерись!» [Там же]. В данном контексте можно говорить о понятии судьбы, о которой герой упоминает в своих записях: он «имеет полное право не трогаться с места. <...> Судьба!» [Там же]. Герой считает, что немцы никогда не дойдут до Петербурга, и рад тому факту. Судьба могла бы распорядиться иначе, и он «мог быть поляком из Калища или евреем и тоже бы лежал сейчас во рву, как падаль, или болтался на веревке!» [Там же], но он тот, кем он является. Видно, что изначально герой воспринимает войну как то, что может навредить человеку лишь при непосредственном контакте. Герой понимает, что не может высказать подобные мысли другим, потому что они считались бы аморальными «ввиду общего подъема» на фоне военных событий, поэтому ему приходится молчать в конторе, не возражая против взглядов его коллег на войну.

Л. Андреев идет дальше и показывает, что подобную судьбу имеет не только Илья Петрович:

А выходит так, что мы, клеточки, не только не должны протестовать, и возмущаться, и чувствовать боль, а немедленно погрузиться в самое бешеное ликование по тому случаю, что и мы пригодились [Там же, с. 159].

«Люди-клеточки» – это жертва политической машины, диктующей свои правила и ожидающей безропотного подчинения, даже восхваления во имя патриотизма.

И это действительно происходит: война становится для общества тем, на что можно с любопытством посмотреть. Все говорят лишь о военных событиях, делая их предметом споров и сплетен, заголовками в газетах. Илья Петрович сравнивает это с пожаром, который видел в детстве: «...чем яростнее разгорается огонь, тем несомненное какое-то праздничное ощущение. Или это так празднично действуют звон колоколов, блеск пожаров и суетливые толпы?» [Там же, с. 143]. Этот «европейский пожар» постепенно овладевает людьми, приближаясь все ближе и ближе, и спустя месяц после начала войны (12 сентября) герой уже указывает на противоречие в отношении людей к ней: они начинают ощущать, что война – не только большое событие государственного масштаба, но и трагедия с точки зрения отдельного затронутого войной индивида:

Или мне это кажется... но что-то фальшивит народишко. С одной стороны, все как будто и впрямь проклинаят войну с ее жестокостью и кровью, а с другой – начинают причмокивать от удовольствия [Там же, с. 146].

Военные события также сказываются и на поведении людей: «На трамваях каждое утро отвратительная давка... некоторые, чуть не все, заглядывают в глаза, в самый зрачок... будто всем стыдно смотреть друг на друга» [Там же, с. 148]. Главный герой не может сми-

риться с тем, что ему как будто смотрят «в самую душу», «вообще как-то перестали стесняться и разгуливают по ней, как по Невскому» [Андреев]. Чувство потери права на свой внутренний мир и мысли, ощущение, что он находится под контролем не только со стороны государства, но и каждого человека, с которым он сталкивается, усиливает его опасения стать только «клеточкой» организма.

Герой чувствует глубокий внутренний разлад с социумом. Анализируя свои мысли, он понимает, что они отличаются от мыслей «общественной массы»: «Не буду мешать людям думать свое, но не хочу, чтобы и мне мешали» [Там же, с. 140]. Но окружение навязывает герою свои взгляды: «И газеты, и вся наша контора вот уже два месяца стараются внушить мне, что я должен ненавидеть немцев» [Там же, с. 148]. Герой, однако, мнит, что немцы – такие же люди, как и русские: «Да и кто такие немцы? В конце концов все такие же люди, как и мы, и нас они, вероятно, боятся ни больше, ни меньше, чем мы их» [Там же, с. 139]. Именно с этого момента его понимание войны как противоборства народов заменяется пониманием войны как противоборства государств – идеологий – правителей без оглядки на подчиняющиеся «клеточки». Андреев возводит такое отношение государства и индивида, «организма» и «клеточки», в более общее явление. В письме к главному герою его приятель Андрей Васильевич пишет о немцах:

Какая у них мудрая способность самоограничения: зная, что из предмета, имеющего неправильную форму, стены выйдут плохими и непрочными, каждый немец добровольно придает себе форму как бы кирпича, стирает углы и выпуклости, мешающие кладке [Там же, с. 161].

Получается, что невозможность человека иметь свой голос существует повсеместно.

Илья Петрович начинает чувствовать свою сопричастность к ним, несмотря на то, кто они – русские или немцы. С этого момента он подспудно идентифицируется с такими, как он, индивидами, не способными менять ход событий, жертвами «государственного организма».

Безусловное подчинение несвойственно Илье Петровичу, но и откровенно выступать против войны он не рискует, зная, что «толпа» настроена иначе. Чтобы выжить среди людей, Илья Петрович старается не выделяться на фоне других, в каких-то случаях сознательно, а в каких-то бессознательно, даже завися от общественного мнения, не высказывая свои мысли в конторе, потому что «или засмеют, или еще начнут стыдить» [Там же, с. 141]. Несмотря на это, герой твердо знает: «что бы ни говорили в конторе и как бы ни кричали и ни распинались за войну газеты... мне ужасно не нравится война» [Там же].

«Расщепление» бытия Ильи Петровича, его поведение среди других, с одной стороны, и его мысли, с другой, приводят его к противоречивому поведению (несвойственному ему ранее), когда он сталкивается с «массой», действующей по «патриотическому принципу», то есть поддерживающей войну. Впервые это происходит 17 октября,

когда герой примыкает к манифестирующим, носившим флаги по поводу войны с Турцией: «Как это случилось, не могу взять в толк и до сих пор» [Андреев, с. 150]. В тексте впервые появляется местоимение «мы», что говорит о том, что герой начинает идентифицировать свое поведение с «массовым»: «Будто мы также воюем и похожи на какое-то внутреннее войско» [Там же]. Подобное состояние оказалось непривычным для Ильи Петровича, что-то внутри изменилось, отчего он «сам себе стал казаться удивительным и даже незнакомым, и захотелось в зеркало посмотреть» [Там же, с. 151]. Это мешает ему соблюсти рациональное отношение к происходящему, приводит к чувству неуверенности, почти потери себя самого, о чем свидетельствуют дальнейшие записи в дневнике: «Все мысли повышибло, и живу я в своей собственной душе, как в чужой квартире, нигде места себе не нахожу. Какой я был прежде? Не помню» [Там же, с. 158]. Герой чувствует влияние какой-то необъяснимой неведомой силы, заставляющей его действовать согласно ее воле: «Взял меня кто-то в свои огромные лапищи и лепит из меня какую-то фигуру странную» [Там же]¹.

Пробуждающаяся в нем эмоциональная сопричастность к другим «клеточкам» повторяется, когда 8 июля герой отправляется к Казанскому собору на всенародное молебствие. Сначала он критически относится к происходящему, убежденный в том, что пришел сюда в качестве зрителя: «Поначалу я все улыбался скептически и разыскивал в народе других таких же интеллигентов, как и я, чтобы обменяться с ними взорами взаимного высокого понимания и насмешки» [Там же, с. 169]. Но постепенно неожиданно для самого себя герой ощущает себя частью того, что происходит вокруг: «Какое наивное простонародие!» – еще успел дурачки подумать я, глядя на какого-то здоровенного плачущего мужика... и вдруг чувствую я, что-то помокрели и у меня мои глаза высохшие!» [Там же]. Илья Петрович впервые испытывает невыразимую любовь ко всем людям, окружающим его.

«Научившись от народа любви к нему и России, что же я сделал первым делом?» – спрашивает у самого себя герой. «[Он] поспешно направился домой, чтобы приласкать своих...» [Там же, с. 170]. Под «своими» Илья Петрович подразумевает семью, которая так же, как и остальные, подстраивается под военную ситуацию: жена героя Сашенька помогает в лазарете раненым, из-за чего дети (Петя и Лидочка) практически предоставлены сами себе, ее брат Павлуша находится на фронте. Моделируемый Андреевым разлад возникает и в самых близких отношениях, прежде всего между ним и его женой. Как только в доме, в котором Илья Петрович живет, открывается лазарет, Сашенька естественным для себя образом начинает помогать

¹ Отметим, что ощущение потери себя, своего «я» очень характерно для андреевской прозы. Сам Андреев не раз писал о том, что испытывает подобное и в жизни. В 1892 г. в своем дневнике он пишет: «Меня мучает мое „я“. Как будто разделился я на две половины. <...> И чувствую, что весь я – ложь. Рассказ – ложь, шутки – ложь, поцелуй – ложь. Одно правда – стоит за мной „я“, и спрашивает, и смеется» [цит. по: Андреев П. Н., с. 161–162].

людям, что не принимает главный герой. «Сашенькин подвиг в лазарете – чистая безнравственность, дурной и предосудительный поступок: нельзя целиком отдавать себя милосердию, оставляя близких своих в пренебрежении» [Андреев, с. 152]. Между героями возникает непонимание, но вместе с тем Илья Петрович жалеет жену. Она же считает, что герой равнодушен к бедам других, по-философски относится к войне и не принимает во внимание то, что существуют конкретные люди, раненные русские солдаты, требующие помощи. Непонимание позиции мужа даже доводит ее до оскорбительного названия его «трусом, предателем» [Там же, с. 148]. Сашенька не может понять, как ее муж может нормально относиться к врагам: «Если ты еще и теперь любишь немцев, то ты настоящий подлец!» [Там же]. Главный герой находится в сложной ситуации, когда подобное мнение разделяет не только общество, но и самый близкий ему человек.

Ему кажется, что он единственный постигает своим умом что-то общее, что другие почему-то не могут или не хотят видеть, так как лишились способности охватить то страшное, что с войной связано для всех: «...среди этого всеобщего ошаления нет никакой возможности сохранить себя и спасти свою душу от мучительной заразы» [Там же]. Он одинок, его не хотят и не могут понять, хотя он переживает за всех:

...А я ведь не сплю и мучаюсь в моем невольном одиночестве! <...> Разве мне легко? Называешься человеком, а всякой собаке завидуешь, что она лает себе на прохожих и не знает, что там господа немцы выделывают с господами русскими, и наоборот [Там же, с. 149].

Подтверждает это и запись от 2-го октября:

В конторе поляк Зволянский горячо ораторствовал по поводу возможного выступления Турции и выражал глупейшую радость, что проливы и Царь-Град будут наши. <...> И тут же представилось мне, что сидит в Константинополе какой-нибудь турок Ибрагим-бей, по-нашему Илья Петрович, и в ус себе не дует, что не нынче – завтра наши умники и его толстый живот возьмут на прицел. Но попробуй, скажи им это! [Там же].

В записи от 17 октября, после объявления войны Турцией, в дневнике упоминается тот же турок, причем теперь уже в тесной связи с героем: «Почему-то этот толстый турок мне кажется похож на меня, хотя я сам вовсе и не толстый; и как-то обидно, что он никого не трогал, а его самого все-таки тронули» [Там же, с. 151]. Способность усмотреть общую беду в происходящем не позволяет ему отождествиться с любым односторонним взглядом, отгораживает его ото всех, причиняет невыносимую боль.

Усугубляют все трагедии, происходящие в семье героя: сначала на поле битвы убивают Павлушу, а затем от острой формы аппенди-

цита умирает и любимая дочка. Потеряв ее, он лишается последнего светлого в его жизни. Трагическая смерть Лидочки – следствие войны:

...Целые сутки я не мог достать доктора: все заняты в лазаретах. Пришел какой-то с улицы, посмотрел, повертелся и успокоил, сказал, что надо еще подождать, а пока опасного нет. Ребенок умирает, а он сказал, что надо подождать – и мы ждали. Еще кланялись ему и извинялись с глупым лицом, что напрасно побеспокоили и оторвали от важнейших дел [Там же, с. 164].

Трагические события происходят в течение того времени, когда Илья Петрович опять несколько раз чувствует эмоциональное слияние с «народом». Еще за четыре дня до смерти Лидочки им даже овладевает патриотическая гордость при взятии Перемышля: «Победа... и слово какое простое, и сколько раз его слышал и сам произносил, а только теперь вижу, что это за сокровище... победа! Так и хочется кричать на весь дом: победа, победа!» [Там же, с. 162]. Все это свидетельствует о неустойчивости рациональных убеждений героя, сталкивающихся с массовыми, отчасти и своими эмоциональными стереотипами.

Конец записи от 17 июня повествует о том, что герою сказали в конторе о неприличности ношения траура по убитым, даже если умершей является его дочь. В этой записи мы находим его отчаянный взгляд на самого себя:

Скую себе полегоньку, повизгиваю за барской дверью... до первого барского окрика. До чего я презренен. Клеточка! <...> [Я], подчиняясь голосу общественного мнения, немедленно спорол креп и теперь ношу его в боковом кармане, чтобы никого не беспокоить и не портить чудесного настроения. Не имею ни малейшего права как гражданин. Гражданин – или гадина?.. Что-то я не совсем понимаю. Но молчу! Молчу! [Там же, с. 165].

На Илью Петровича, как на библейского Иова, сыплются одно за другим трагические события; усугубляет все тот факт, что даже общие победы на войне приводят, по сути, к поражению, если принять во внимание большое количество людей, пострадавших от нее морально или физически. Герой болезненно воспринимает тот факт, что весь патриотизм, все жертвы, все возвышенное попроано теми, кто на войне наживает капитал: «И кому война и слезы, а мошенникам, купцам и фабрикантам все в жир идет...» [Там же, с. 167]. Герой все больше убеждается в том, что он «клеточка». Находясь в подобных чувствах, Илья Петрович предпринимает попытку изменить обстановку вокруг себя:

Решил для некоторого разнообразия перевести свой кабинет на место прежней столовой... <...> Задумал я раскошелиться и на свой счет оклеить к зиме новыми обоями детскую комнату и свой кабинет [Там же, с. 175].

Это является и попыткой избавиться от его горьких воспоминаний и ощущений (смерти дочери, чувства потери себя):

Особенно невыносимы для меня обои в кабинете: как взгляну на них, так тотчас вспомню эти белые июньские ночи, когда я раздетый сживал на подоконнике или ходил босой по комнате и чувствовал себя сумасшедшим [Андреев].

Илья Петрович видит, что внешние обстоятельства активно вторгаются в его личную жизнь, и поэтому всячески старается это предотвратить: «Война может быть войной, а мой дом останется моим домом, и дети – детьми» [Там же, с. 175]. Трагично то, что он пишет об этом уже после того, как потерял одного ребенка, а также в то время, когда усиливается его недопонимание с женой. В его поведении можно усмотреть попытку поставить барьер между собой и всем, происходящим «там»; его квартира (архетип дома) кажется ему единственной прочной опорой.

Но и его попытка отгородиться от внешних событий оказалась для него иллюзией. Свое состояние он обозначает словом «страдание», подчеркивая то, что терпит «бесчеловечное наказание». Крушение самых значимых для его жизни ценностей доводит его до потери смысла существования, подталкивая к мыслям о суициде. В записи от 26 августа он пишет:

...я вдруг подумал, что могу через несколько минут оказаться там же, где моя нежная Лидочка, дитя мое навеки любимое. И такое при этой мысли осияло меня счастье, такой небесный свет озарил мою несчастную голову, что был я на одно мгновение богаче и свободнее самых богатых людей на свете [Там же, с. 180].

Следующая дневниковая запись (27 августа) содержит лишь одно слово – «ничего». «Ничего» ощущает герой и внутри себя.

Потеряв работу, Илья Петрович чувствует себя ненужным: если раньше он хотя бы был способен прокормить свою семью, то теперь даже это оказывается не в его силах. По совету бывшего сослуживца он отправляется в кафе, где собираются «деловые люди», с надеждой завести полезные знакомства и «потом примазаться». Он описывает тех богатых людей, их легкость в движении и способность быстро войти в контакт с малознакомыми людьми. Особенно запомнился герою один «господин с черными усами», самый влиятельный среди тех остальных. Он не понимает, как этот человек в таких нечеловеческих условиях войны может держаться так уверенно и спокойно: «Какие предательства он совершил? И что это за человек, что это за особенная человеческая душа, которая может быть так спокойна, которой ни страшны ни кровь, ни война, ни Бог, ни дьявол?» [Там же, с. 181]. Илья Петрович начинает сравнивать себя с ним и видит огромное

различие в их поведении и ощущениях: он – страдающий человек, потерявший дочь, работу, взаимопонимание с женой, мирную жизнь и свое собственное «я», с одной стороны, и тот «деловой человек», нажившийся на войне, спокойный «телом и духом» – с другой. «И мне трудно представить, что он сделан из такого же материала, как и я», – пишет Илья Петрович [Андреев, с. 181]. Так состоялось столкновение героя не только с теми, кто страдает от войны, но также с теми, кто умеет извлекать из нее выгоду, жить привычной для них жизнью, не испытывая страданий.

После этого поведение героя меняется, он отречен от мира и смотрит на него «наподобие туриста или философа» [Там же, с. 182]. Мир настолько изменился для него, что он как будто снова знакомится с его «анатомией», смыслом: «Часами осматриваю памятники, как будто никогда их не видал, и вхожу в их глубочайший смысл» [Там же]. Мысли героя походят на мысли ребенка, познающего окружающее:

С величайшим любопытством, которое будет непонятно живым, рассматриваю город: как он сделан, из чего, почему площади, улицы и переулки. Понял значение трамвая. Нравится мне, что дома поделены на квартиры, и что швейцары [Там же].

В голове героя начинают возникать экзистенциальные вопросы, которые не покидают его до момента мыслей о самоубийстве на Троицком мосту: «Что такое пустота?», «Кто же я, смотрящий?», «Куда уходят мертвые?», «Откуда приходят живые?», «Есть ли разница между живыми и мертвыми людьми?» [Там же, с. 183, 184, 187].

В момент нахождения на мосту, глядя на текущую от родников в море воду и наблюдая бесконечное небо, Илья Петрович как будто преодолевает время и пространство: «точно был я в эту минуту настоящим мудрецом, который видит всю вселенную и все понимает» [Там же, с. 187], сливается со всеми когда-либо жившими людьми:

...Я понял, это то, что я и есть человек, о котором говорится, когда произносят слова: люди, человечество, человек. <...> И понял... что я бессмертен совершенно, даже до смешного: Петербург может тысячу раз провалиться, а я все буду жив [Там же].

Он переживает то, что никогда раньше не испытывал: «Словно открылись у меня тысячи глаз и ушей и потекли такие длинные мысли в голове, что всякое движение стало невозможным» [Там же]. И сразу же после такого глубокого потрясения, экзистенциального открытия, когда казалось, что герой «видит всю вселенную и все понимает» [Там же], у него возникает чувство смирения: «Не могу иначе как смирением назвать это чувство, которое вместе с холодом от реки и легким ознобом проникло в меня...» [Там же]. Герой понимает, что он, может быть, первый из тех обездоленных, как и он, людей понял

настоящее предназначение человека и человечества в целом: не удовлетворяются тем, что им предназначено быть «клеточкой». Осознав это, герой почувствовал страх перед тем большим заданием, которое открылось перед ним, – стать действующим лицом. Он немедленно понял, в чем скрыта разрушительная сила, искажавшая жизнь маленьких людей прошлого и настоящего: «Так это все война! Война! – подумал я и сразу увидел всю войну, какая она ужасная, какая гибельная». Тогда герой находит понимание со стороны жены Сашеньки, которая в данный момент относится к мужу как к раненому, понимая, что душевная рана равноценна, а порой и тяжелее физической:

Сашенька сама постлала постель в кабинете, находя, что здесь мне будет спокойнее... И когда лег я, такой чистый и белый... действительно почувствовал себя так, будто я был ранен тяжело и теперь выздоравливаю [Андреев, с. 189].

После произошедшего перерождения отношение героя к окружающему меняется, Илья Петрович переезжает на более скромную квартиру, начинает ходить с кружкой и собирать деньги для раненых, то есть, по сути, делает то же самое, что и его жена: помогает таким же, как и он, обездоленным маленьким людям.

Как очевидца всеобщих страданий его не покидает чувство всеохватывающей мировой трагедии. Прослушав историю о повешенных вверх ногами женщинах и ребенке, тянувшемся к одной из них, своей маме, он принимает этот образ в качестве олицетворения судьбы всего человечества:

Думал об Инне Ивановне и матерях. Как они не понимают, что каждая из них, оплакивая своего сына, сама стреляет в сына другой матери, а та – наоборот, и все плачут? Нет, понимают, вероятно, это так просто, – здесь сила в чем-то другом. Кто к кому тянется, чтобы соединиться? И кто вечно этому мешает? [Там же, с. 194].

Образ всеобщего непонимания и неспособности преодолеть разъединение ужасает его. Осознание, что он живет среди тех, кто не способен таким же способом взглянуть на войну, удручает его:

Жил я «клеточкой», и умру такой же «клеточкой», и только об одном молю судьбу свою: чтобы не была напрасной моя смерть и страдания, которые принимаю покорно и со смирением [Там же].

Возвращение к лейтмотиву «клеточки» в самом конце романа не случайно – в нем кроется, кажется, основа андреевского подхода к теме войны, описанной не образами военных действий, а судьбой одного «маленького» человека в тылу. Чем меньше изображений военных действий и упоминаний о них, тем больше страданий невинных ни в чем

людей. Как раз в этом усматривает Андреев трагедию войны и грех тех, кто натравливает друг против друга людей, желающих жить нормальной жизнью. Илья Петрович понял, что ему не изменить трагической разединенности людей. Отчаяние и беспомощность отражены в последних словах текста романа: «И все плачу, все плачу, все плачу» [Андреев, с. 194].

Отметим, что хоть Илья Петрович и ощущает себя таким, нельзя назвать его «маленьким человеком» в традиционном понимании данного типа литературного героя (например, нельзя отождествить его с Самсоном Выриным А. С. Пушкина или Акакием Акакиевичем Н. В. Гоголя). Илья Петрович скорее «средний человек», то есть у него есть определенная позиция в обществе, оборудованная квартира, семья, друзья, образование; он достаточно умен, чтобы находить более общие взаимосвязи между событиями и идеями, самостоятелен в своих раздумьях, он же понял суть, поднялся выше «маленьких». Но и ему, работающему на благо всех, человеку порядочному, граждану, заботящемуся о судьбе Родины, выпала доля «клеточки» без малейшего шанса влиять на происходящее. Хотя бы в дневнике он попытается сохранить свое «я», стремясь добраться до возможного решения вопроса о том, почему люди не оказывают никакого влияния на ход исторических событий, принимая присужденную им роль пассивных «клеточек». Героя поражает то, что он не сталкивается ни с кем, кто разделял бы его убеждения, взгляды, мысли. Последнее, что ему остается, – принять свою роль и по возможности помочь таким же жертвам, какой стал он, и жалеть их, то есть и самого себя. Его плач в конце романа – это плач за себя, других, Родину, весь мир «клеточек».

Модель мира, выстраиваемая Л. Андреевым в его романе, комплексная: писатель затрагивает вопросы не только одного героя, но и массы, не ограничивает свое внимание одним слоем общества, национальной средой, даже, кажется, единственной войной. Он показывает, насколько масштабной стала трагедия войны, которая не щадит никого, кроме тех, кто цинично на ней наживается, получая и власть, и влияние, и деньги.

Чтобы показать широту замысла писателя, стоит обратиться к определению возможных интеракций героя в литературных произведениях, выдвигаемых Ю. Б. Боровым. Он пишет, что подобные «взаимоотношения героя с различными внутренними и внешними средами» [Боров, с. 80] можно проанализировать на различных уровнях, причем он выделяет восемь пластов художественной реальности. Мы не будем подробно рассматривать каждый из этих пластов², а остановимся лишь на тех, которые можно выделить в романе «Иго войны».

Основным (лейтмотивным в романе) является самосознание героя как личности. Его внутренние коммуникации, противоречия сознания и ощущений, эмоций, желаний и восприятия реального положения дел, переживания, отраженные в дневнике Ильи Петровича, – все

---

² Более подробную информацию о восьми пластах художественной концепции произведения можно найти в цитируемом выше издании Ю. Б. Борева (с. 80–81).

это можно отнести к первому пласту «я – я», выделенному Боровым. Последовательный анализ своего «я», внутреннего мира представляет собой основной мотив, приведший героя к дневнику как интимной исповеди. Читатель может благодаря «нецензурной» исповеди героя проследить самые тонкие изменения в его душевном мире: от попытки рациональной саморефлексии к ощущению потери собственного «я» и появлению повышенной эмоциональности, связанной с растворением «я» героя в массе.

Саморефлексия героя сопровождается постоянной интеракцией с другими персонажами, находящимися с ним в более тесной связи, то есть прежде всего с женой, ее матерью и дочерью. Таким способом Андреев разрабатывает второй пласт «я – ты» [Боров, с. 80]. Если в начале романа герой не понимает стремление жены помочь раненым, а Инну Ивановну называет «мамашей» и воспринимает ее как слабую женщину, которая «производит ужасное впечатление своей подавленностью», то впоследствии он поддерживает поступки жены, считая ее святой [Андреев, с. 188], встает на колени перед Инной Ивановной, нуждаясь «в прощении со стороны всех честных людей, которых столько оскорблял!» [Там же, с. 170], становится смиренным. Ему все равно, что приходится переехать в крошечную комнату за неимением денег, ведь взамен этого он понял свою жену и был понят ею, вошел в положение Инны Ивановны, осознал то, насколько близка ему его дочь.

Также он чувствует свою близость и к людям в конторе, к собравшемуся народу, к русским, то есть ощущает общность с социальной средой (обществом и народом) [Боров, с. 80]. На этом уровне (пласт «я – мы»), как и на обоих предыдущих, автор показывает и колебания, и резкие сдвиги, источником которых является неуверенность героя в самом себе, понимании происходящего. Если в первой половине произведения герой старается рациональным образом разобраться в том, почему он чувствует в толпе то сопричастность с ней, то удивление, что с ним такое случается, то в финале романа Илья Петрович уже не способен мыслить подобным способом; глубокая эмпатия к народу заставляет его думать и чувствовать иррационально и эмоционально, сострадать и плакать, причем этот пласт восприятия внешнего мира уже сочетается с более общим пластом.

Последняя запись в дневнике героя (от 30 сентября) наполнена грустью:

Со скорбью и нестерпимой жалостью смотрю я на людей. Какая тяжкая их доля на этом свете, как трудно им жить со своею неразгаданной душой! Чего хочет их темная душа? Куда стремится она через слезы и кровь? [Андреев, с. 193].

Илья Петрович размышляет уже не только о чувствах своего народа, а о всем человечестве и войне в целом. Это четвертый пласт художественной реальности произведения «я – все мы» – отношения

человека с человечеством и историей [Борев, с. 80]. Герой, думающий изначально о том, «как далека... безжалостная война и как при всей своей ярости она бессильна над человеческой жизнью и созданиями человека» [Андреев, с. 145], в итоге приходит к тому, что это люди оказываются бессильными перед своей «тяжкой долей», судьбой, войной: «И прошел мой гнев, и снова стало мне печально и грустно, и опять текут у меня тихие слезы. Кого прокляну, кого осужу, когда все мы таковы, несчастные!» [Там же, с. 194].

Илью Петровича печалит то, что люди не понимают, что они могут объединиться перед лицом опасности войны, ведь он, в свою очередь, чувствует родство и с немцами, и с турками, хотя это враги русских в войне. Он способен одновременно понять, что и они обездолены, что и они – лишь «клеточки». Он повсюду видит их «протянутые друг к другу руки», которые пытаются соединиться, но в силу чего-то неведомого и необъяснимого не могут сделать это. Сам герой также стремится к тому же: «Горит у меня сердце, и так я тянусь к кому-то руками: приди! дай прикоснуться!» – но понимает, что ничего не может поделать [Там же]. Именно поэтому смыслом его существования становится служение обездоленным людям, представляющим конкретизацию человечества, абстрактно им воспринимаемого; только так он будет способен хоть как-то быть полезным, только так не будет «напрасной... [его] смерть и страдания» [Там же]. Как раз на этом уровне он воспринимает, однако, и тех, к кому он не принадлежит, – врагов «всех нас».

Илья Петрович потерял близких ему людей, лишился зависимости от народа, от Родины, пострадал материально, но вместе с этими серьезными лишениями и потерями в самом конце он доходит до чувства «правильного устройства мира», до восприятия любви и безусловной помощи другим, поднимаясь к самому общему уровню, определенному Ю. Б. Боревым как «я – всеобщее» [Борев, с. 80]. Роман «Иго войны» – свидетельство того, что Андреев ставил в своем произведении вопросы, которые дали о себе знать и в его публицистике, в которой он показал себя тем, кто сумел и точно определить источники опасений, и в определенной мере предсказать будущее.

Список литературы

Андреев Л. Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2017. 1243 с.

Андреев П. Н. Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. Альм. З. Л. : Мысль, 1925. С. 161–162.

Борев Ю. Б. Эстетика. М. : Высш. шк., 2002. 511 с.

Booth W. C. The Rhetoric of Fiction. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1961. 455 p.

References

Andreyev, L. N. (2017). *Polnoe sobranie romanov, povestei i rasskazov v odnom tome* [Complete Collection of Novels, Stories, and Short Stories in One Volume]. Moscow, Al'fa-kniga. 1243 p.

- Andreyev, P. N. (1925). Vospominaniya o Leonide Andreyeve [Memoirs of Leonid Andreyev]. In *Literaturnaya mysl'. Al'manakh 3*. Leningrad, Mysl', pp. 161–162.
- Booth, W. C. (1961). *The Rhetoric of Fiction*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 455 p.
- Borev, Yu. B. (2002). *Estetika* [Aesthetics]. Moscow, Vysshaya shkola. 511 p.

The article was submitted on 28.01.2021